

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА

Украинско-российский конфликт: исторические корни, эволюция и структурные причины (1980-е — 2025)

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ

Разграничение:

- фактов
- интерпретаций
- политических нарративов

Сопоставление:

- советской
- российской
- украинской
- западной историографий

I. ВВЕДЕНИЕ: ПОЧЕМУ КОНФЛИКТ НЕЛЬЗЯ ОБЪЯСНИТЬ СОБЫТИЯМИ 2014 ГОДА

- Ошибка «короткой памяти» в анализе Украины
- Почему постсоветский период не объясняет глубинные мотивации элит
- Украина как объект конкурирующих проектов идентичности

Ключевой тезис:

конфликт — результат наложения исторической памяти, элитных интересов и внешнего вмешательства

II. «УКРАИНСКИЙ ВОПРОС» ДО 1914 ГОДА: ИДЕНТИЧНОСТЬ И ПОЛИТИКА

Ключевая задача: разобрать тезис об «изобретении Украины», отделив пропаганду от фактов.

2.1. Малороссийская, русская и региональная идентичности в XIX веке

- Язык vs идентичность
- Отсутствие единого украинского политического проекта

2.2. Австро-Венгрия и Галиция

- Поддержка украинского движения как инструмент против России
- Школы, пресса, церковь
- политическое стимулирование одной из идентичностей

2.3. Вывод

- Украина как конструкт модерна, а не «искусственное образование»
- Политизация идентичности великими державами — ключевой прецедент

III. МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД И РАДИКАЛИЗАЦИЯ

3.1. Распад империй и фрустрация элит

- Польша, СССР, Румыния
- Репрессии, ассимиляция, ответный радикализм

3.2. ОУН: идеология и структура

- Интегральный национализм
- Фашистские заимствования
- Антипольский и антисоветский вектор

3.3. Роль внешних акторов

- Германия
- Эмигрантские сети

IV. ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА: БАНДЕРОВЦЫ В ИСТОРИИ И ПАМЯТИ

4.1. ОУН(б), ОУН(м), УПА: различия и эволюция

- Коллаборация и конфликт с Третьим рейхом
- Волынская резня
- Участие в этнических чистках

4.2. Советская борьба и послевоенное подполье

- Масштабы сопротивления
- Реальные сроки ликвидации

4.3. Историческая память:

- СССР
- Украинская диаспора
- Современная Украина

V. ХРУЩЁВСКАЯ АМНИСТИЯ И НЕЗАВЕРШЁННАЯ ДЕСОВЕТИЗАЦИЯ ЗАПАДНОЙ УКРАИНЫ

5.1. Причины амнистии

- Кадровый голод
- Стабилизация региона

5.2. Последствия

- Интеграция без переосмысления
- Передача памяти внутри семей
- Отсутствие «нюрнбергского» процесса

VI. ХОЛОДНАЯ ВОЙНА: УКРАИНСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ КАК ИНСТРУМЕНТ

6.1. Диаспора

- Канада, США
- Сохранение радикального нарратива

6.2. Западные спецслужбы и медиа

- Радио «Свобода»
- Поддержка антисоветской повестки без контроля идеологии

6.3. Итог

- Национализм как «законсервированный ресурс»

VII. ПЕРЕСТРОЙКА, РУХ И «РЕВОЛЮЦИЯ НА ГРАНИТЕ»

7.1. Создание РУХа

- Социальный состав
- Цели и внутренние противоречия

7.2. «Революция на граните»

- Символический разрыв с СССР
- Формирование мифа «освободительного движения»

VIII. УКРАИНА ПОСЛЕ 1991 ГОДА: НАЦИОНАЛЬНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

8.1. Государство без общей идентичности

- Восток / Запад
- Языковая политика

8.2. Историческая политика

- Реабилитация ОУН-УПА
- Герои как инструмент консолидации

8.3. Антироссийский вектор

- Эволюция, а не мгновенный выбор

IX. 2004–2013: ТОЧКА НЕВОЗВРАТА

- Оранжевая революция
- Раскол элит
- Утрата Москвой рычагов влияния

X. 2014–2025: ОТ КОНФЛИКТА К ВОЙНЕ

- Майдан
- Крым
- Донбасс
- Радикализация идентичности
- Внешнее управление и война на истощение

XI. ВЫВОДЫ И СЦЕНАРИИ

- Конфликт как накопленный результат

- Ошибки всех сторон
- Почему компромисс оказался невозможен
- Возможные долгосрочные сценарии

Украинско-российский конфликт: исторические корни, эволюция и структурные причины. Тезисный план аналитической записки.

1. КЛЮЧЕВЫЕ ВЫВОДЫ

Украинско-российский конфликт не является следствием исключительно событий 2014 года, а представляет собой результат длительного исторического процесса, в котором переплелись:

- конкурирующие проекты идентичности;
- незавершённая советская модернизация;
- политизация исторической памяти;
- системное внешнее воздействие.

Украинская идентичность не была «изобретена» одномоментно, но в конце XIX — начале XX века она была целенаправленно политизирована внешними акторами, прежде всего Австро-Венгрией, а позднее — Польшей и Германией, как инструмент ослабления России/СССР.

Украинский интегральный национализм межвоенного периода (ОУН и производные) стал радикальным ответом на фрустрацию элит и репрессивную политику соседних государств. Его идеология включала элементы фашизма и этнического эксклюзивизма.

Во время Второй мировой войны часть украинских националистических формирований сотрудничала с нацистской Германией, участвовала в этнических чистках и военных преступлениях. Эти факты исторически

зафиксированы и не могут быть устранены пересмотром терминологии.

Послевоенная политика СССР (амнистии, интеграция без публичного суда) ликвидировала вооружённое подполье, но не устранила националистический нарратив, который был сохранён в семейной памяти и эмигрантской среде.

В период холодной войны украинский национализм был интегрирован в западную антисоветскую стратегию как идеологический ресурс. Его поддержка носила прагматический характер и не сопровождалась ценностной фильтрацией.

Перестройка и распад СССР привели к формированию украинского государства без единой гражданской идентичности, что сделало историческую политику ключевым инструментом консолидации.

С 1991 года Украина двигалась в сторону антироссийского курса не линейно, но последовательно, усиливая его через:

- образовательную политику;
- символическое пространство;
- героизацию радикального национализма как «освободительного».

События 2014 года стали не причиной, а точкой разрыва, после которой компромиссные модели сосуществования фактически исчезли.

Конфликт к 2025 году носит экзистенциальный характер, так как затрагивает:

- базовые представления сторон о собственной истории;

- легитимность государства;
- право на интерпретацию прошлого.

2. ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ: ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ПОЛЕ БОРЬБЫ

2.1. Украина до XX века: не «искусственное образование», но и не нация в современном смысле

До конца XIX века существовали региональные, религиозные и сословные идентичности, язык не совпадал автоматически с политическим самосознанием, «украинский проект» не был доминирующим.

2.2. Роль Австро-Венгрии

Австро-Венгрия не «создала» Украину в прямом смысле, но системно стимулировала украинскую идентичность в Галиции как антироссийский проект через образование, церковь, культурные институты.

Это стало прецедентом политического использования идентичности, повторявшимся позднее.

3. РАДИКАЛИЗАЦИЯ И МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД

После распада империй украинские территории оказались разделены между Польшей, СССР, Румынией, Чехословакией. Политика ассимиляции радикализацию части украинских элит, появление ОУН — организации с идеологией интегрального национализма.

Ключевой момент:

ОУН не была массовым движением, но стала идеологически непропорционально влиятельной.

4. ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА: ФАКТЫ И ПАМЯТЬ

4.1. Реальность

Зафиксировано сотрудничество части украинских националистов с Третьим рейхом, участие в этнических чистках (в частности, против поляков), внутренние конфликты внутри самого националистического движения.

4.2. Проблема памяти

После войны в СССР была проведена политика тотального определения «политических украинцев» как врагов и предателей. В эмиграции тем временем наоборот, проводилась политика тотальной героизации без признания преступлений украинских националистов. Это заложило мину замедленного действия для постсоветского периода.

5. ПОСЛЕВОЕННЫЙ СССР: НЕЗАВЕРШЁННОЕ РАЗРЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ

Амнистии времён Хрущёва стабилизировали регион, интегрировали бывших участников подполья, не сопровождались общественным судом и переосмыслением.

В результате националистическая традиция ушла в латентное состояние, сохранилась в семейной и диаспоральной памяти.

6. ХОЛОДНАЯ ВОЙНА: УКРАИНСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ КАК РЕСУРС

Запад рассматривал украинский национализм как инструмент давления на СССР, поддерживал эмигрантские структуры, медиа и идеологов, не стремился трансформировать саму идеологию, закрывая глаза на её радикальные корни.

Это обеспечило сохранение альтернативного исторического нарратива, его готовность к реинтеграции после 1991 года.

7. ПЕРЕСТРОЙКА, РУХ И РАЗРЫВ С СОВЕТСКИМ ПРОЕКТОМ

Народный РУХ стал коалицией либералов, националистов и антисоветских активистов, выдвигал лозунги суверенитета и культурного возрождения.

«Революция на граните» имела ограниченный социальный охват, но стала мифом-основанием новой государственности.

8. УКРАИНА ПОСЛЕ 1991 ГОДА: ГОСУДАРСТВО БЕЗ ОБЩЕГО МИФА

После распада СССР Украина унаследовала разнородное население, противоречивую память, элиты без консенсуса о будущем.

В этих условиях историческая политика стала инструментом, ОУН-УПА были постепенно реабилитированы как «борцы за независимость», антироссийский вектор усиливался как объединяющий фактор.

Важно:

Этот процесс был эволюционным, а не одномоментным.

9. 2004–2013: УТРАТА ВОЗМОЖНОСТИ КОМПРОМИССА

Оранжевая революция расколола элиты окончательно. Россия утратила влияние на формирование украинской идентичности. Запад стал ключевым внешним ориентиром.

Компромиссная модель («мост между Востоком и Западом») перестала быть политически жизнеспособной.

10. 2014–2025: КОНФЛИКТ КАК ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ

После 2014 года конфликт перешёл в фазу, где история стала оружием, любые альтернативные интерпретации внутри Украины маргинализированы, война закрепила националистический нарратив как государственный.

К 2025 году:

конфликт стал войной идентичностей, пространство для рационального компромисса резко сузилось.

11. ОБЩИЙ ВЫВОД

Украинско-российский конфликт не сводится к «агрессии» или «заговору», является результатом накопленных исторических противоречий, ошибок элит и внешнего вмешательства, был неизбежен в своей логике, но не в конкретных формах.

Украинско-российский конфликт: исторические корни, эволюция и структурные причины. Основной текст аналитической записки.

I. ВВЕДЕНИЕ

Длинная история конфликта и ошибка «короткой оптики»

Украинско-российский конфликт в его нынешней форме часто интерпретируется как результат конкретных политических решений начала XXI века — расширения НАТО, событий 2014 года, изменения баланса сил в Восточной Европе. Такой подход удобен для оперативной политической аргументации, однако аналитически он недостаточен. Он игнорирует фундаментальные исторические процессы, которые формировали как украинскую, так и российскую политическую идентичность задолго до распада СССР.

Ключевая ошибка большинства публичных интерпретаций заключается в редукции конфликта к цепочке событий, тогда как в реальности он представляет собой накопленный структурный кризис, в котором соединились:

незавершённое формирование украинской нации как гражданского сообщества;

конкуренция альтернативных исторических нарративов;

последствия советской национальной политики;

системное вмешательство внешних акторов в идентификационные процессы.

Важно подчеркнуть: речь идёт не о «вечной вражде» и не о фатальной предопределённости. Речь идёт о том, что ряд исторических решений и недорешённых вопросов

последовательно сужал пространство для компромисса, делая конфликт всё более вероятным.

Для понимания происходящего необходимо выйти за рамки постсоветского периода и рассмотреть:

происхождение украинского национального проекта;

роль великих держав в его формировании;

радикализацию части этого проекта в XX веке;

способы институционализации исторической памяти после 1991 года.

II. «УКРАИНСКИЙ ВОПРОС» ДО ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Идентичность, политика и внешнее стимулирование

2.1. Восточнославянские земли и проблема идентичности

До конца XIX века территории, которые сегодня составляют Украину, не представляли собой единого политического или идентификационного пространства. Население определяло себя преимущественно через:

религию (православие, униатство);

локальную принадлежность;

сословный статус;

лояльность империи.

Понятие «украинец» существовало, но не являлось доминирующей политической самоидентификацией. Языковая специфика не автоматически превращалась в национальное самосознание — это принципиально важный момент, часто игнорируемый в современных дискуссиях.

Российская империя рассматривала малороссийские земли как часть единого исторического и культурного пространства, что находило отражение в образовательной политике, в административной структуре, в церковной иерархии.

При этом сама имперская модель не предусматривала развития альтернативных национальных проектов — не только украинского, но и белорусского, и ряда других.

2.2. Галиция и роль Австро-Венгрии

Ситуация принципиально отличалась в Галиции, находившейся под контролем Австро-Венгрии. Здесь украинская (русинская) идентичность стала объектом целенаправленной политической поддержки.

Важно уточнить формулировку:

Австро-Венгрия не «изобрела Украину», но она сознательно стимулировала развитие украинской идентичности как альтернативы: польскому влиянию в регионе; российскому культурному притяжению.

Механизмы этого стимулирования включали поддержку украинского школьного образования, развитие украиноязычной прессы, продвижение униатской (греко-католической) церкви как маркера отличия от православной России, формирование лояльной украинской интеллигенции.

Таким образом, украинский проект в Галиции изначально формировался в логике геополитического противостояния, а не исключительно как органический процесс национального пробуждения.

2.3. Политизация идентичности как прецедент

К началу XX века сложилась принципиально важная модель, которая будет воспроизводиться и позже. Национальная идентичность становится инструментом внешней политики. Культурные различия переводятся в политическую плоскость. Историческая память используется как средство мобилизации.

Этот прецедент имел долгосрочные последствия. Он заложил основу для восприятия украинского национального движения не только как внутреннего процесса, но и как поля внешнего влияния, что впоследствии станет одним из ключевых факторов недоверия со стороны России/СССР.

2.4. Выводы по дореволюционному периоду

Украинская идентичность не является фикцией, но и не была завершённым национальным проектом к началу XX века. Её развитие носило регионально асимметричный характер, с особой ролью Галиции. Внешнее стимулирование сыграло существенную роль в политизации идентичности. Уже на этом этапе был заложен конфликт между имперским (обще-восточнославянским) подходом - и национальным (украинским) проектом.

Этот конфликт не был разрешён ни в рамках Российской империи, ни позже — в советский период.

III. РАСПАД ИМПЕРИЙ И РАДИКАЛИЗАЦИЯ (1918–1939)

3.1. Фрустрация и утраченные ожидания

Первая мировая война и распад империй создали окно возможностей для национальных проектов, однако украинский

проект оказался фрагментированным и институционально слабым. Попытки создания украинской государственности в 1917–1921 годах завершились неудачей, что привело к глубокой фрустрации национально ориентированных элит.

Украинские земли оказались разделены между СССР, Польшей, Румынией, Чехословакией.

Ни одно из этих государств не рассматривало украинскую идентичность как равноправную основу государственной политики.

3.2. Возникновение ОУН и интегральный национализм

На этом фоне формируется Организация украинских националистов (ОУН), вобравшая в себя идеи европейского интегрального национализма, элементы фашистской идеологии, культ насилия как инструмента политической борьбы.

ОУН не была массовым движением, однако отличалась высокой степенью дисциплины, имела развитую подпольную структуру, активно работала с молодёжью.

Её идеология строилась на отрицании многоэтничности, представлении о нации как биологическом и сакральном единстве, оправдании террора как метода.

3.3. Роль внешних акторов в радикализации

Межвоенная Европа стала пространством конкурирующих спецслужб и политических проектов. Украинский национализм рассматривался рядом государств как потенциальный инструмент давления против Польши, и одновременно как инструмент и против СССР.

Это усиливало радикальные элементы внутри движения и снижало вероятность его эволюции в умеренную политическую форму.

3.4. Стратегический итог межвоенного периода

К концу 1930-х годов украинский национальный проект оказался идеологически расколотым. Радикальный сегмент получил непропорционально большое влияние. Были заложены предпосылки трагических событий Второй мировой войны.

IV. ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА: УКРАИНСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ МЕЖДУ КОЛЛАБОРАЦИЕЙ, НАСИЛИЕМ И МИФОМ

4.1. Раскол ОУН и начало войны

К началу Второй мировой войны украинское националистическое движение подошло в состоянии внутреннего раскола. В 1940 году Организация украинских националистов разделилась на две фракции:

- ОУН(м) под руководством Андрея Мельника, ориентированную на осторожное взаимодействие с нацистской Германией;
- ОУН(б) под руководством Степана Бандеры, делавшую ставку на радикальные и самостоятельные действия.

Обе фракции рассматривали войну между Германией и СССР как историческое окно возможностей для создания украинского государства. Это принципиально важно: антисоветская направленность не была побочным эффектом войны, а являлась её центральной мотивацией для националистов.

4.2. Коллаборация с Третьим рейхом: формы и пределы

В первые годы войны украинские националистические структуры сотрудничали с немецкими спецслужбами, участвовали в формировании вспомогательных подразделений, рассчитывали на поддержку Берлина в создании независимого государства.

Провозглашение «Акта восстановления украинской государственности» во Львове в июне 1941 года стало кульминацией этих ожиданий. Однако нацистская Германия не рассматривала Украину как субъект но видела её исключительно как территорию и ресурс.

Вскоре часть лидеров ОУН(б), включая Бандеру, была арестована. Это не отменяет факта первоначального сотрудничества, но демонстрирует прагматический и инструментальный характер отношений с обеих сторон.

4.3. УПА и этническое насилие

В 1942–1943 годах формируется Украинская повстанческая армия (УПА), которая действовала как вооружённая структура националистического движения, вела боевые действия против советских, польских и немецких сил в зависимости от тактической ситуации.

Наиболее тяжёлым и принципиальным эпизодом стала Волынская резня — массовое насилие против польского гражданского населения. Современная историография (включая польскую и часть украинской) квалифицирует эти события как этнические чистки.

Для аналитической оценки важно зафиксировать:

- насилие носило системный характер;

- оно было идеологически оправдано концепцией «этнически чистой территории»;
- ответственность лежит на конкретных структурах и командовании УПА.

4.4. Советская и эмигрантская интерпретации войны

После 1945 года сложились две противоположные модели памяти:

Советская модель:

- полная демонизация ОУН–УПА;
- отсутствие дифференциации между коллаборационистами, подпольщиками и местным населением;
- использование темы национализма как оправдания репрессий.

Эмигрантская модель:

- героизация националистического подполья;
- минимизация или отрицание преступлений;
- представление войны исключительно как борьбы за независимость.

Обе модели были политически мотивированы и аналитически неполны. Однако именно эмигрантская версия оказалась более живучей в долгосрочной перспективе, поскольку не была институционально подавлена.

4.5. Выводы по периоду войны

Украинский национализм в годы войны был идеологически радикальным и насильственным. Факты коллаборации и этнического насилия являются исторически зафиксированными. Отсутствие послевоенного

общественного суда и переосмысления стало ключевой проблемой будущего.

v. ПОСЛЕВОЕННЫЙ СССР И ХРУЩЁВСКАЯ АМНИСТИЯ: СТАБИЛИЗАЦИЯ БЕЗ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ

5.1. Борьба с подпольем и пределы репрессий

После окончания войны советская власть столкнулась с вооружённым сопротивлением в Западной Украине. Операции против УПА продолжались до начала 1950-х годов и сопровождались масштабными силовыми мерами, депортациями, жёстким административным контролем.

К середине 1950-х годов организованное подполье было в основном ликвидировано. Однако победа носила военно-административный, а не идеологический характер.

5.2. Амнистии Хрущёва: мотивы и логика

Хрущёвская политика амнистий была продиктована стремлением к стабилизации западных регионов, кадровым дефицитом, общей линией десталинизации. В ходе амнистии бывшие участники подполья возвращались к гражданской жизни, получали возможность социальной интеграции, не проходили через публичный процесс осмысления своей роли.

И принципиальный момент:

амнистия не сопровождалась исторической рефлексией, аналогичной процессам в послевоенной Германии. Не был организован и «украинский Нюрнберг», что было стратегической ошибкой советского руководства. Тем самым националистам была дана возможность вновь консолидироваться, более того, воспитать собственных детей

и внуков в духе украинского национализма и коллаборационизма.

5.3. Последствия для коллективной памяти

В результате националистический нарратив не был разрушен, а лишь вытеснен в частную сферу. Память о войне и подполье передавалась внутри семей. Возникла латентная традиция альтернативной истории.

Советская модель памяти, основанная на табуировании, оказалась неустойчивой в долгосрочной перспективе.

5.4. Стратегический итог послевоенного периода

СССР добился территориальной и административной интеграции Западной Украины, внешней стабильности. Но не добился идеологического примирения, формирования общей исторической рамки. Это стало одной из ключевых предпосылок кризиса после 1991 года.

VI. ХОЛОДНАЯ ВОЙНА: УКРАИНСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ КАК ЭЛЕМЕНТ ЗАПАДНОЙ СТРАТЕГИИ

6.1. Эмиграция как хранитель альтернативного нарратива

Украинская диаспора в США и Канаде сохранила идеологическое наследие ОУН, сформировала собственные исследовательские и культурные институты, активно влияла на интерпретацию истории.

Важно подчеркнуть:

диаспоральная память была законсервированной, не прошедшей через внутреннюю критику и переосмысление.

6.2. Информационная поддержка и спецслужбы

В условиях холодной войны украинский национализм рассматривался Западом как антисоветский ресурс. Использовались медиа (в том числе радио). Радикальные элементы игнорировались ради стратегических целей.

Это не означало тотального контроля или «управления», но создавало благоприятную среду для сохранения и легитимации определённых нарративов.

6.3. Итог холодной войны для украинского вопроса

К концу 1980-х годов существовал готовый альтернативный исторический проект. Он имел институциональную и интеллектуальную базу, был ориентирован на разрыв с советским и российским наследием.

VII. ПЕРЕСТРОЙКА, РУХ И «РЕВОЛЮЦИЯ НА ГРАНИТЕ»: ВОЗВРАЩЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА

7.1. Перестройка как окно для альтернативных идентичностей

Политика перестройки и гласности во второй половине 1980-х годов («гласность», «перестройка», «ускорение» - сокращённо ГПУ, пошутил как-то Сева Новгородцев на волнах радио «Би-Би-Си») привела к ослаблению идеологического контроля и разрушению монополии КПСС на интерпретацию истории. Для Украины это имело особое значение, поскольку именно здесь существовал латентный альтернативный исторический нарратив, сформированный в семейной памяти Западной Украины, в среде интеллигенции, в эмигрантских кругах, поддерживавших контакты с республикой.

Разрушение советской идентичности происходило быстрее, чем формирование новой гражданской. В образовавшийся

вакуум начала активно входить националистическая интерпретация прошлого.

7.2. Создание Народного РУХа Украины

«Народный РУХ Украины за перестройку» (таково его полное название) был создан в 1989 году как широкое общественно-политическое движение. Формально он декларировал демократизацию, расширение прав республик, культурное возрождение.

Фактически РУХ представлял собой гетерогенную коалицию, включавшую либеральную интеллигенцию, национал-демократов, бывших диссидентов, представителей националистической традиции.

Принципиально важно, что именно националистическое крыло оказалось наиболее идеологически мотивированным и организационно устойчивым, что позволило ему со временем задать тон всему движению.

7.3. «Революция на граните» как символический разрыв

Студенческая акция протеста осени 1990 года, вошедшая в историю как «революция на граните», имела ограниченный масштаб, но колоссальное символическое значение. Она закрепила образ антисоветского протеста как морально оправданного, сформировала миф «мирного национального освобождения», стала частью канонического нарратива новой государственности.

Важно подчеркнуть:

Эти события не представляли всё украинское общество, но именно они были институционализированы в качестве основания независимости.

7.4. Формирование нового исторического канона

В период 1989–1991 годов на Украине начинается пересмотр истории Второй мировой войны, реабилитируются фигуры ОУН–УПА, советский нарратив объявляется исключительно колониальным и репрессивным. Никакого противодействия этим нарративам со стороны советских властей не происходит, и национализм постепенно, явочным порядком превращается в доминирующую идеологию на Украине. Несмотря на это, во время Референдума о независимости подавляющая часть жителей Украины выразила желание остаться в симбиозе с Россией. Мнение масс было проигнорировано.

Тем временем пересмотр истории Великой Отечественной войны на Украине происходил без полноценной академической дискуссии, в условиях политической мобилизации и распада старых институтов.

7.5. Итог перестроечного периода

К моменту распада СССР Украина подошла без единой гражданской идентичности, с конкурирующими историческими интерпретациями, с элитами, использующими историю как инструмент легитимации. Это и предопределило характер национального строительства в 1990-е годы.

VIII. УКРАИНА ПОСЛЕ 1991 ГОДА: НАЦИОНАЛЬНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО И АНТИРОССИЙСКИЙ ВЕКТОР

8.1. Государство без консенсуса

Независимая Украина унаследовала экономику, интегрированную в постсоветское пространство, население с разной исторической памятью, элиты, не имевшие согласованного проекта будущего.

Восток и Юг страны (Слобожанщина, Донбасс, Малороссия и Новороссия) сохраняли советскую идентичность, культурную и языковую близость к России. Запад страны тем временем опирался на националистический нарратив, воспринимал независимость как восстановление исторической справедливости.

8.2. Историческая политика как инструмент консолидации

В отсутствие позитивного гражданского мифа государство постепенно сделало ставку на символическую декоммунизацию, героизацию «борцов за независимость», переосмысление общей истории с Россией как истории угнетения.

Реабилитация ОУН–УПА в 1990-е годы носила ограниченный характер, однако именно тогда были заложены учебные стандарты, музейные концепции, региональные практики памяти.

8.3. Антироссийский курс: эволюция, а не мгновенный выбор

Антироссийская направленность украинской политики не была изначально жёсткой. В 1990-е годы сохранялись экономические связи, элиты балансировали между Востоком и Западом, Россия воспринималась как значимый, но проблемный партнёр.

Однако по мере формирования новой идентичности, смены поколений, усиления внешнего влияния на Украине российское направление всё чаще трактовалось как угроза суверенитету, а не как ресурс. Российская дипломатия между тем откровенно бездействовала, всё глубже проваливая украинское направление в своей работе.

8.4. Национализм как компенсаторный механизм

Для украинского государства национализм в итоге стал способом быстрой мобилизации, инструментом символического отделения от России, заменой отсутствующего социального контракта.

При этом радикальные элементы легитимировались как часть «освободительной традиции», критика националистического канона маргинализировалась.

8.5. Стратегический итог периода 1991–2004 годов

К началу 2000-х годов Украина существовала как формально единое, но внутренне разделённое государство. Историческая память стала линией разлома, компромисс между различными идентичностями не был институционализирован.

Это сделало страну уязвимой к политическим кризисам следующего этапа.

IX. 2004–2013 ГОДЫ: ОРАНЖЕВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И УТРАТА КОМПРОМИССНОЙ МОДЕЛИ

9.1. Оранжевая революция как перелом элитного баланса

События 2004 года стали первым системным кризисом украинской государственности. Оранжевая революция была не столько народным восстанием, сколько конфликтом элитных групп, использовавших массовую мобилизацию как инструмент легитимации.

Ключевые последствия «первого Майдана»:

- окончательный раскол политических элит на прозападный и условно пророссийский лагерь;

- институционализация уличного протеста как легитимного политического механизма;
- закрепление внешнеполитического выбора как вопроса идентичности, а не прагматики.

Важно подчеркнуть:

оранжевый лагерь апеллировал не к социально-экономической программе, а к морально-историческому нарративу, в котором Россия всё чаще представлялась не партнёром, а препятствием на пути «возвращения в Европу». Если до Майдана демонизация России и всего русского оставалась по большей части уделом маргинальных прослоек, то после 2004 года был окончательно взят курс на представление России как основного зла, направленного против Украины.

Первый Майдан стал результатом планомерной и долговременной работы на украинском направлении западных структур. В частности, супруга пришедшего к власти в результате «мягкого госпереворота» нового украинского президента Виктора Ющенко была кадровой сотрудницей Госдепа, а сам Майдан как технология был разработан и реализован в основном британскими спецслужбами. Имея общее и одинаковое понимание по поводу Украины, Лондон и Вашингтон непримиримо расходятся в частностях, касающихся этих территорий. США и Великобритания согласны, что Украина должна быть вечной «анти-Россией», но у США на Украине в основном бизнес-интересы, тогда как у Великобритании интересы скорее цивилизационного характера.

9.2. Историческая память после 2004 года

После оранжевой революции историческая политика приобрела более системный характер. Героизация националистических деятелей стала частью государственного дискурса. Альтернативные интерпретации вытеснялись на периферию. Советское прошлое окончательно маркировалось как «чуждое».

При этом государство не предлагало позитивного гражданского проекта, ограничиваясь негативной идентичностью: «мы не Россия». Этот нарратив активно продвигался в том числе в книге бывшего президента Украины Леонида Кучмы, которая так и называлась: «Украина – не Россия».

И об эффективности российской политики на украинском направлении. Книга (насквозь антироссийская и русофобская по сути) второго президента Украины Леонида Кучмы «Украина – не Россия» была впервые издана в 2003 году издательством «Время» (Москва) на русском языке. Тираж книги составил 10 тысяч экземпляров. Книга затем была переведена на украинский и польский языки. Книга состоит из предисловия, 14 разделов, послесловия и примечаний. В книге изложены взгляды на историю Украины, на события XX века и начала XXI, о различиях в украинском и русском национальных характерах, о разных взглядах на культурно-историческое прошлое и взаимных претензиях («Вики»). В книге при этом напрочь обходится вниманием понимание, что украинский и русский народы – суть один народ, даже не «братья» или другие родственники. Также частью этого единого народа является и Белоруссия. Наоборот. В книге Кучмы идеям об отличиях «украинцев» от остальных «русских» придаётся важное значение.

Если бы хотя бы в этот момент российская дипломатия выступила, явно или скрытно, с нарративами о едином народе, многих последующих провалов на украинском треке наверняка можно было бы избежать. Но Москва привычно делала ставку на некие «украинские элиты» и представителей деловых кругов, совершенно не учитывая, что эти «элиты» давно и планомерно обработаны условным Западом именно в антироссийском ключе. Запад при этом давал гарантии безопасности и сохранения капиталов этим «элитам», Москва не гарантировала ничего, кроме «братской дружбы».

9.3. Ошибки компромиссной стратегии России

В 2004–2013 годах Россия недооценила роль идентичности в украинской политике, делала ставку на экономические и элитные рычаги, игнорировала трансформацию общественного сознания.

Отсутствие последовательной гуманитарной политики, работы с молодёжью, внятного образа будущего привело к утрате влияния на формирование украинского общественного дискурса.

9.4. Период Януковича: иллюзия реванша

Победа Виктора Януковича на президентских выборах на Украине в 2010 году создала иллюзию восстановления баланса. Однако компромисс носил поверхностный характер, националистический нарратив не был пересмотрен, элиты продолжали использовать идентичность инструментально.

Фактически в этот период конфликт был отложен, но не разрешён. Напряжение продолжало накапливаться. Западные спецслужбы активно подогревали этот конфликт, не позволяя ему разрешиться ни в каком поле, в том числе

дипломатическом. Госпереворот, случившийся в 2014 году, всё более становился неизбежным.

9.5. Стратегический итог периода 2004–2013 годов

К 2013 году компромиссная модель «моста» между Востоком и Западом была исчерпана. Украинское общество оказалось глубоко поляризованным. Любое резкое внешнеполитическое решение несло риск масштабного кризиса.

Х. 2014–2025 ГОДЫ: ОТ ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА К ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ ВОЙНЕ

10.1. Майдан как точка разрыва

События 2013–2014 годов стали качественным переломом. Майдан был не просто протестом против конкретного руководства, а окончательным отказом от постсоветской идентичности, легитимацией насилия как средства политической трансформации, утверждением националистического нарратива в качестве основы новой государственности.

После Майдана пространство для внутреннего компромисса резко сузилось.

10.2. Крым и Донбасс: разные логики, общий эффект

Крым в этот момент стал символическим ударом по украинской государственности, усилил ощущение экзистенциальной угрозы, радикализировал общественное сознание.

Донбасс превратился в зону затяжного конфликта, стал фактором милитаризации политики, закрепил образ России как прямого врага.

В совокупности эти события легитимировали жёсткий антироссийский курс и маргинализировали любые альтернативные позиции внутри Украины.

10.3. Национализм как государственная идеология военного времени

После 2014 года национализм перестал быть маргинальным явлением, стал частью официального патриотического канона, получил институциональную поддержку.

При этом радикальные элементы были частично интегрированы в государственные структуры, критика националистического нарратива приравнивалась к нелояльности.

10.4. Роль Запада после 2014 года

Поддержка Украины со стороны Запада носила системный характер. Она включала военную, финансовую и информационную составляющие и была обусловлена стратегическим противостоянием с Россией.

При этом вопросы внутренней идеологической трансформации Украины отходили на второй план, националистические элементы рассматривались как допустимая плата за геополитическую устойчивость.

10.5. Эволюция конфликта к 2025 году

К 2025 году конфликт приобрёл следующие характеристики:

- затяжной характер;
- высокий уровень идеологизации;

- минимальные шансы на быстрый компромисс.

Он стал войной идентичностей, где уступки интерпретируются как поражение не только политическое, но и историческое.

XI. ОБЩИЕ ВЫВОДЫ И СТРАТЕГИЧЕСКИЕ СЦЕНАРИИ

11.1. Сводные выводы

Украинско-российский конфликт является результатом долгосрочного накопления противоречий, а не цепочки случайных решений.

Ключевую роль сыграла политизация истории и идентичности.

Национализм стал компенсаторным механизмом слабого государства.

Внешние акторы последовательно использовали украинский вопрос в собственных стратегических целях.

Пространство для компромисса сокращалось по мере радикализации дискурса.

11.2. Почему компромисс оказался невозможен

Компромисс стал невозможен, поскольку:

- он противоречит доминирующим историческим нарративам сторон;
- элиты утратили возможность «откатить» мобилизационную риторику;
- конфликт был переведён в экзистенциальную плоскость.

11.3. Базовые сценарии дальнейшей эволюции

Сценарий 1. Замороженный конфликт

Длительное противостояние без окончательного решения, высокая милитаризация и внешняя зависимость.

Сценарий 2. Институционализация раскола

Формирование устойчивых блоков, окончательный разрыв гуманитарного и исторического пространства.

Сценарий 3. Отложенное переосмысление

Возможен только при смене поколений, снижении интенсивности конфликта и пересмотре исторических канонов — маловероятен в среднесрочной перспективе.

Сценарий 4. Возрождение империи

Возможен не только при смене поколений, снижении интенсивности конфликта и пересмотре исторических канонов, но и при условии, что работа на украинском направлении будет в корне перестроена российским руководством. Учитывая, что коллективный Запад к концу 2025 года всё чаще и увереннее заявляет, что «Россия стремится к захвату» - и далее в эту формулу каждый подставляет желаемое для него значение, - учитывая это, Россия вынуждена «пробудиться» и показать собственную силу, максимально ужесточив свою риторику и действия на международном треке. Сейчас, когда инициированное США на планете действует «право сильного», а основополагающие документы международного права проигнорированы и списаны из актуальных в ничтожные, именно Россия имеет все шансы стать новым «центром силы» для тех, кто не готов мириться с гегемонией «коллективного Запада» и для тех, кто исповедует традиционные ценности, в том числе семейные и

социальные. Верное позиционирование Росси на международной арене как государства (пусть даже «империи»), которое выступает на стороне традиционной семьи, терпимости к любому вероисповеданию (кроме радикализированных фанатиков), всеобщей справедливости, - такое позиционирование естественным образом привлечёт на сторону Москвы все адекватные силы в разных странах, в том числе и на Украине. При этом сценарии вероятно в итоге образование единого государства России, Украины и Белоруссии, но пока что этот сценарий выглядит наименее вероятным в среднесрочной перспективе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Украинско-российский конфликт следует рассматривать не как аномалию, а как предельное выражение нерешённых вопросов постимперского и постсоветского пространства. Его разрешение невозможно без глубинного переосмысления истории, отказа от инструментализации идентичности, формирования нового, инклюзивного гражданского проекта.

На текущем этапе эти условия отсутствуют.